

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья), директор Российско-турецкого учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: advasilyev@mail.ru

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

КАШГАРИЯ.

А.Н. КУРОПАТКИН И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЖЕТИШААРУ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

***Аннотация.** Посольство А.Н. Куропаткина стало одним из ключевых эпизодов российской политики в Центральной Азии. А.Н. Куропаткину удалось составить детальное описание Джетишаара с учетом большого массива обработанных им при подготовке своей работы сведений. Успешное выполнение разведывательно-дипломатической миссии в Кашгаре стало важным этапом в жизни и дальнейшей карьере А.Н. Куропаткина, а его доскональное знакомство с Кашгаром надолго закрепило за ним репутацию одного из знатоков «кашгарских дел». Книга А.Н. Куропаткина «Кашгария» до сих пор является важным источником для изучения Синьцзяна. В статье на основании личной переписки А.Н. Куропаткина с основными действующими лицами российской политики в Центральной Азии рассматриваются: политическая предыстория миссии А.Н. Куропаткина в Кашгар, ход ее планирования и подготовки, дебаты о приемлемости имевших место на момент миссии стратегических рубежей России в Центральной Азии и русских стратегических интересов, а также итогов миссии и ее значения для будущих российско-китайских отношений.*

***Ключевые слова:** А.Н. Куропаткин; Кашгар; Кокандское ханство; пограничный вопрос; русско-китайские отношения.*

VASILYEV A.D.

«KASHGARIA». A.N. KUROPATKIN AND RUSSIAN POLICY TOWARD DZHETISHAAR IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY

***The summary.** The embassy mission of Alexei N. Kuropatkin to Kashgar was one of the key episodes in the Russian strategy in Central Asia. Kuropatkin managed to compile a comprehensive description of Dzhetishaar, taking into consideration the large amount of data processed by him during its preparation. The successful fulfillment of his both intelligence and diplomatic mission to Kashgar was an important milestone in his life and forthcoming career. His exhaustive acquaintance with Kashgar for a long time built him the reputation of one of the experts in "Kashgar affairs". His book "Kashgaria" is still an important source to study Xinjiang. Based on personal correspondence*

of Kuropatkin with the main actors of the Russian policy in Central Asia, this article examines: The political background of the mission of Kuropatkin to Kashgar, the course of its planning and preparation, the debate on the acceptability of the strategic frontiers of Russia in Central Asia that took place at the time of the mission, Russian strategic interests, including the results of the mission and its significance for future Russian-Chinese relations.

Key words: Kuropatkin; Kashgar; The Kokand Khanate; Borders; Russian-Chinese Relations.

В середине и второй половине XIX в. Кашгар и происходившие вокруг него события стали одним из тех политических сюжетов в истории Центральной Азии, которые привлекали пристальное внимание российских властей. Ход антицинских народных движений и влияние беспорядков в западных провинциях Китая на русско-китайскую и русско-среднеазиатскую торговлю чрезвычайно интересовали российских политических деятелей, по роду службы занимавшихся отношениями России и ханств Центральной Азии. В частности, первый отечественный путешественник, военный востоковед и исследователь Ч.Ч. Валиханов при подготовке к поездке в Кашгар ссылался на данные российских купцов и путешественников [11; 12; 13; 14, стр. 253-255, 319-322, 344-348, 349-354].

Кокандское ханство также проявляло интерес к происходящему в Кашгаре, что было вызвано тесными культурными, экономическими и политическими связями населения Ферганской долины и Кашгара [57]. Одновременно с борьбой против русских войск в середине 1860-х гг. кокандские правители стремились вернуть свое влияние над Кашгаром, в который был направлен проживавший в Коканде претендент на престол Бузрук-ходжа под охраной кокандского военачальника Якуб-бека [16, стр. 87-90; 24, стр. 152-156; 54]. Впоследствии Якуб-бек сумел возглавить одно из государственных образований, возникших на месте западных областей Цинской империи. Военное поражение Кокандского ханства в войне с Россией, превращение нового хана Худояра в русского вассала привело к эмиграции значительного количества представителей кокандского военно-служилого сословия в Кашгар на службу к Якуб-беку. Именно эти люди и стали его опорой в новом государстве.

Антиправительственное восстание подорвало

в Кашгаре российское влияние, основным инструментом которого считалась торговля. Для выяснения новых деталей ситуации в Кашгаре в сентябре 1868 г. туда была направлена миссия П.Я. Рейнталя, который первым из русских исследователей после Ч.Ч. Валиханова собрал актуальную информацию о положении в Восточном Туркестане, хотя его заметки носили характер литературно обработанных дневников [50].

Генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман в 1870-1871 г. пришел к мысли о том, что Якуб-бек являлся узурпатором власти в Кашгаре. Из переписки К.П. фон Кауфмана с А.М. Горчаковым и Д.А. Милютиным видно, что русские власти считали законными претендентами на господство над мусульманскими территориями Западного Китая маньчжурское правительство и кокандского хана [44, л. 2-5об.]. Вероятно, Кауфман в своем анализе ситуации опирался на предшествующие события кокандско-китайских взаимоотношений [57]. После череды опиумных войн и восстания тайпинов ожидать скорого возвращения китайской власти в Кашгар не приходилось. Вместе с тем, информация о прошлой службе Якуб-бека в Коканде и обстоятельствах его появления в Кашгаре давали Кауфману основание полагать, что можно будет воздействовать на Якуб-бека с помощью кокандского Худояр-хана. Предполагалось, что Худояр-хан, ставший к началу 1870-х гг. вассалом России, сможет объединить под своей властью не только Фергану, но и Кашгар. А благодаря условиям мирного договора, подписанного с Кокандом в 1870 г., русские купцы и в Кашгаре смогут воспользоваться оговоренной договором свободой торговли. По замыслу Кауфмана, кокандская военная экспедиция в Кашгар должна была снять напряженность в русско-китайских отношениях из-за

неопределенной политики России по отношению к статусу потерянных Китаем в ходе восстания провинций. Согласно первоначальному замыслу, кокандский хан становился промежуточным звеном в русско-китайских отношениях и принимал на себя всю ответственность перед Китаем за происходящее.

В октябре 1871 г. Кауфман предлагал Худояр-хану воспользоваться своими законными правами на власть в Кашгаре и при поддержке русских войск в тылу захватить его. Однако Худояр-хан тогда уклонился от этого предложения, заявив, что Якуб-бек выказал ему свои верноподданические чувства [44, л. 2-5об.]. Это обстоятельство было истолковано Кауфманом в том смысле, что Якуб-бек теперь стал вассалом кокандского хана, который, в свою очередь, зависим от российской власти. Поэтому Кауфман, посчитав свою цель достигнутой, попытался начать с Якуб-беком дипломатическую переписку от имени Худояр-хана.

Однако, последовавшая переписка доказала, что Худояр-хан лукавил, и Якуб-бек не считал его своим покровителем. Более того, Якуб-бек не считал Худояр-хана легитимным правителем. Найденные нумизматические материалы свидетельствуют, что эмигрировавшие из Коканда в Кашгар мастера по чеканке монет в 1869-1870 гг. чеканили по заданию Якуб-бека собственную золотую монету от имени предыдущего правителя Коканда, покойного Малла-хана [30]. Этот чекан был призван доказать преемственность кокандской политической линии по отношению к Кашгару, легитимность власти Якуб-бека как уполномоченного законной кокандской династии, а не узурпатора, к тому же понесшего поражение от России. По всей вероятности, и сам Якуб-бек мог иметь определенные претензии на престол Коканда. Еще до присоединения ханства к России, Якуб-бек, пользуясь слабостью и неспособностью кокандского хана Худояра, захватил часть граничивших с Китаем кокандских территорий и поставил там свои гарнизоны. Такая ситуация сильно обеспокоила русские власти, считавшие войну с Якуб-беком весьма вероятной. К началу 1872 г. бессилие Худояр-хана стало очевидным для русских властей, а Якуб-бек лично обратился к Кауфману с намеком обращаться к нему напрямую как к самостоятельному правителю, минуя Худояр-хана [44, Приложение 4. Л. 16-19; 29, стр. 56-58].

Неудача плана по установлению косвенного российского военно-политического контроля над Кашгаром и передаче его в руки кокандского хана вызвала активное обсуждение иных вариантов политики по отношению к Кашгару. Возможные варианты стратегии русских властей по отношению к Якуб-беку и его государству были на рубеже 1871 – 1872 гг. весьма детально обозначены генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом: аннексия Кашгара, выжидательная позиция до возвращения китайской администрации или установление взаимовыгодных отношений в ожидании возвращения законных хозяев-китайцев [45, л. 3-4].

Весьма подробно плюсы и минусы каждой из данных стратегий были проанализированы в переписке К.П. фон Кауфмана и военного министра Д.А. Милютина. По словам Кауфмана, содержание переписки Худояр-хана и Якуб-бека (которое было в деталях известно русскому правительству) «указывало на практическую неизбежность российского военного похода в Кашгар». Однако в конце февраля 1872 г. Якуб-бек через кокандского хана обратился к Кауфману с предложением об обмене посольствами. Оставляя военную операцию как крайнюю меру в случае осложнения отношений с Якуб-беком, Кауфман, вместе с тем, считал ее невыгодной для России [44, л. 4-4об.]. В случае, если Россия завоюет Кашгар, Кауфман видел три варианта развития дальнейших событий:

- 1) предложить Худояр-хану принять у России завоеванную страну;
- 2) пригласить китайское правительство занять свои бывшие владения;
- 3) основать в Джетишааре особое самостоятельное государство.

В первом случае, с большой вероятностью кокандские войска восстанут против своего хана, и России придется снова пойти на вооруженное вмешательство. Во втором случае России пришлось бы долго управлять чужой страной, содержать гарнизоны в 6 или 7 крупных городах и вести контрпартизанскую борьбу с враждебно настроенным местным населением. Успех в первых двух случаях был не гарантирован, а слабая изученность Кашгара не позволяла рассчитывать в случае присоединения его к России покрыть за счет торговли и разработки недр расходы на военную кампанию. В итоге Кауфман считал оптимальным вариантом образование

независимого государства и для этого считал возможным прибегнуть к дипломатическим мерам [44, л. 5]. В Кашгар планировалось направить миссию капитана А.В. Каульбарса, которому предстояло добиться заключения торгового договора. В инструкциях, данных ему Кауфманом перед отправкой посольства, отмечалось, что российская дипломатическая миссия по сути является актом признания Якуб-бека независимым правителем. Это обстоятельство было важно для внутренней политики Якуб-бека. Однако А.В. Каульбарсу запрещалось давать по этому поводу какие-либо дальнейшие пояснения. Достаточно было самого факта [44, л. 31]. А.В. Каульбарсу удалось заключить торговый договор, а также собрать важные сведения о состоянии вооруженных сил Якуб-бека, укреплениях и путях сообщения между Нарыном и Кашгаром [26, стр. 89-101]. Предвоенная напряженность в двусторонних отношениях была снята.

Это обстоятельство фактически привело к признанию Россией Якуб-бека как независимого правителя. Кауфман полагал, что, с одной стороны, российская администрация должна помочь китайскому правительству в восстановлении своей власти в Западном Китае; с другой стороны, был убежден, что районы Кашгара, Яркенда и Аксу потеряны для китайцев навсегда, и, вероятно, государство Якуб-бека там появилось надолго [45, л. 12-12об.]. Вместе с тем, по мнению Кауфмана, получив помощь от России, китайское правительство будет вынуждено сохранить на остальных территориях Западного Китая торговые привилегии русских купцов, которыми те пользовались при инсургентах [45, л. 13-15]. Таким образом, права русских купцов были бы обеспечены и на территориях под властью китайского правительства, и в государстве Якуб-бека.

Заключение торгового договора поставило на повестку дня также организацию русского консульства в Кашгаре. В 1875 г. с целью выяснить состояние Кашгара планировалось направить туда миссию под руководством М.Д. Скобелева, однако из-за беспорядков в Коканде он был отозван и к Якуб-беку был вторично направлен П.Я. Рейнталь*¹. Его предполагалось назначить первым российским консулом в Кашгар, однако его личные отношения с Якуб-беком были неприязненными, и сам П.Я. Рейнталь такого назначения не

желал. Волнения в Коканде, а затем и антирусское восстание в ханстве, а также отсутствие объективной информации о ресурсах и торгово-экономическом потенциале Кашгара и поиски наиболее подходящей кандидатуры на должность императорского представителя вынудили русскую администрацию отложить организацию консульства.

Присоединение Кокандского ханства к России в 1876 г. изменило характер отношений русской администрации и государства Якуб-бека. Совсем недавно буфером между ними выступал Коканд, однако с ликвидацией Кокандского ханства образовалась протяженная, сильно пересеченная и малоизученная пограничная черта, проходившая по горным хребтам Тянь-Шаня и Алая. После присоединения Кокандского ханства к России важным итогом укрепления связей российских властей с новыми властями Кашгара должна была стать делимитация границы на более выгодных для России условиях. В то же время в феврале 1876 г. посланник России в Китае Е.К. Бюцов доносил в МИД, что Якуб-Бек стремился получить от России содействие «к поддержанию его самостоятельности», которой будут угрожать китайцы после окончательного подавления дунганского восстания [1, л. 91-92об.; 26, стр. 138-139].

19 марта 1876 г. в Петербурге состоялось Высочайшее совещание, на котором обсуждался вопрос о выработке дальнейшей политики по отношению к Кашгару в связи с активизацией усилий китайского правительства по подавлению восстания в западных провинциях страны. Участники совещания пришли к выводу, что для русских интересов восстановление китайской власти в Кашгаре было бы более выгодным, чем сохранение независимого мусульманского государства. Однако, поскольку на момент совещания боевые действия между китайскими правительственными войсками и восставшими шли с переменным успехом, участники собрания посчитали преждевременной открытую поддержку китайского правительства, хотя и решили не препятствовать поставке хлеба для нужд китайской армии. Военно-дипломатическое руководство Туркестанского генерал-губернаторства также придерживалось мнения о том, что восстановление китайской власти в Кашгаре может столкнуться с рядом трудностей [3, л. 68-71об.; 29, стр. 148-149]. В такой ситуации К.П. фон

Кауфман решил воспользоваться текущим политическим моментом, чтобы в отсутствие китайцев договориться с Якуб-беком о проведении новой, стратегически более выгодной для России пограничной линии.

В апреле 1876 г. Г.А. Колпаковский, исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора вместо находившегося в Петербурге К.П. фон Кауфмана, принимает решение отправить в Кашгар военно-дипломатическую миссию под руководством А.Н. Куропаткина. 16 апреля А.Н. Куропаткину было предписано сдать дела по Штабу Туркестанского военного округа и прибыть в распоряжение Исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора для получения дальнейших инструкций [40, л. 3].

21 апреля А.Н. Куропаткин приготовил предварительную смету посольства и предложил два возможных маршрута на рассмотрение Г.А. Колпаковскому и К.П. фон Кауфману [40, л. 4-6]. Он полагал, что есть шанс с разрешения Якуб-бека проникнуть далеко в Кашгар и тщательно изучить его, рассматривая два возможных направления экспедиции. Первый маршрут мог проходить из Кашгара через Уч до Аксу (а если возможно, то и до Сайрама или Куча), и обратно долиной Кашгар-дарьи, что составило бы около 900 верст. Альтернативный маршрут шел из Кашгара через Яркенд в Хотан и обратно по одному из западных путей, ведущих из Джетишаара через восточный Памир в Ферганскую область (около 1 300 верст) [40, л. 9]. Выбор маршрута был особенно важен. Путь в Кашгар с севера через Нарынское укрепление был сравнительно неплохо известен русской администрации по опыту прошлых экспедиций в Кашгар (см., например, описания П.Я. Рейнталя и А.В. Каульбарса [50]). Кратчайший же и поэтому теоретически более важный с точки зрения торговли западный путь через перевалы на бывшей кокандско-кашгарской границе был известен только со слов местного населения и торговцев, а его точная топографическая карта практически отсутствовала.

Для разработки маршрута посольства и подготовки к своей дипломатической миссии А.Н. Куропаткин использовал рапорт полковника П.Я. Рейнталя от 7 мая 1875 г. о его поездке в Кашгар, с которого «снял выписку» [39, л. 1]. Рапорт П.Я. Рейнталя был представлен А.Н. Куропаткину с критическими

комментариями К.П. фон Кауфмана на полях, судя по которым туркестанский генерал-губернатор остался не вполне удовлетворен итогами его поездки в 1875 г. Как видно из выписок А.Н. Куропаткина, он уделял этим комментариям особое внимание. Например, К.П. фон Кауфман не соглашался с выводом П.Я. Рейнталя о том, что необходимо немедленно организовать нападение на владения Якуб-бека*²: «Англичане с Форсайтом [4] во главе на этот раз постарались сделать Якуб-бека сильным не для расширения своей торговли, ибо она незначительна, а создали сильное независимое мусульманское государство у наших границ с целью усложнить нам дела. Препятствовать этому отсюда нам было невозможно ни прежде, ни теперь. У нас для этого только одно действительное орудие – ждать. Пока перевооружение Якуб-бека было не окончено, можно было бы покончить навсегда с ним. Но и с опасным врагом, как говорит Рейнталь, надо иметь повод к войне. Выдумывать повод, изобретать его, пригонять дело к тому, недостойно нашей честной политики. Пришлось бы отвечать перед своей совестью, а этого верховное правительство не желает, и я на свою совесть не брал раньше и не возьму и теперь. Бадаулет все, что обещал, исполняет добросовестно: Сомову, которого якобы обсчитали и не дали торговать, он заплатил все, что было потребовано, т.е. 12 тысяч рублей убытку. Караван Морозова был принят хорошо, и даже тут с ним @Якуб-бек@ поступил снисходительно, как нельзя было ожидать при несколько нахальном поведении приказчика морозовского. О Никитине есть сведения, что он расторговал хорошо и получил свободу поехать за покупками в Хотан. Если перевес кашгарской торговли для нас невыгоден, то орудие для восстановления баланса должно быть придумано более тонкое. Очевидно, Бадаулет чем-то недоволен был при приеме Рейнталя. Титул ли «Дженаба»*³ или письмо Рейнталя его огорчило, только по мнению моему, действительно обидное и несправедливое? Может быть, и то, и другое вместе» [39, л. 1 об.-2].

А.Н. Куропаткин отдельно выписал изложенное К.П. фон Кауфманом предложение о необходимости замены кашгарской дабы (даба – хлопчатобумажная ткань – Авт.) [39, л. 2]. Его внимание привлекли и выводы К.П. фон Кауфмана о том, что Рейнталь смотрел на

«Кашгарское дело» весьма предвзято и видел оскорбления там, где следовало бы видеть неловкое гостеприимство; что достоверность собранных им сведений весьма сомнительна, поскольку собраны они только в разговорах с приближенными Якуб-бека. В ответ на замечания Рейнталя о том, что Якуб-бек при первом удобном случае развяжет войну против России, Кауфман отмечал, что самым большим врагом кашгарского правителя являются китайцы, хотя еще нельзя быть уверенным в исходе их борьбы. «Конечно, все недоумение, возбуждаемое одним рапортом, легко разрешить штыками, и я охотно бы исполнил подобное предприятие, если бы на то последовала Высочайшая воля», – писал К.П. фон Кауфман [39, л. 2об.].

Среди документов, использованных А.Н. Куропаткиным при подготовке к миссии, была и переписка между кокандским Худоярханом, Якуб-беком и К.П. фон Кауфманом, в которой говорилось о военных успехах Якуб-бека и его подозрительном отношении к русским в начале 1870-х гг. [39, л. 7-7об.] Также использовался рапорт барона А.В. Каульбарса, особый интерес в котором у Алексея Николаевича вызвало описание кашгарских войск [39, л. 8].

4 мая Г.А. Колпаковский направил А.Н. Куропаткину инструкцию о целях и задачах посольства. Помимо благодарностей за обмен письмами и посольствами с правителем Кашгара А.Н. Куропаткину было предписано обсудить разграничение Ферганской области с Джетишааром: условиться о времени, когда можно будет приступить к разграничению, о пункте, в котором удобно будет начать разграничение; об общем направлении границы; касательно назначения Якуб-беком лица, коему будет поручено принять участие в разграничении. А.Н. Куропаткину предоставлялась определенная свобода действий в переговорах о границе, поскольку инструкция позволяла ему говорить с правителем Кашгара «вообще о всех тех вопросах, предварительное выяснение коих вы найдете необходимым для предстоящего разграничения» [40, л. 7-7об.].

Вместе с тем, инструкция жестко ограничивала обязанности А.Н. Куропаткина как начальника миссии только указанными рамками. «Что же касается до политических вопросов, как-то – о китайских делах, об учреждении в Кашгаре нашего консульства и вообще о предметах,

имеющих сколько-нибудь международный характер, то затрагивать их отнюдь не следует, и если бы Бадаулет сам или его сановники выбрали подобные темы, то Вам надлежит уклониться от них» [40, л. 7об.].

Г.А. Колпаковский дал и ряд секретных указаний в дополнение к официальной инструкции. Он просил А.Н. Куропаткина, воспользовавшись поездкой в Джетишаар, собрать как можно более полные географические, этнографические, статистические, политические, исторические и главнейшим образом, торговые сведения об этой стране, а также и о военных силах и средствах, которыми располагал Якуб-бек.

Выбор А.Н. Куропаткина в качестве главы миссии был не случаен. Туркестанские власти знали о прекрасном военном образовании А.Н. Куропаткина и его опыте военно-статистического описания французских владений в Северной Африке и высоко ценили их. «Специальное военное образование, полученное Вами, и замечательно полезные результаты, извлеченные из поездки Вашей в Алжир, дают мне право умолчать о подробных указаниях, на что именно Вы должны обратить внимание, собирая различные сведения, особенно по военной части, и мне остается только просить Вас приложить особенный труд по надлежащей проверке и строгой критической оценке тех сведений, которые вы должны будете иметь случай достать» – писал Г.А. Колпаковский [40, л. 7а].

Кроме указанных выше сведений, Г.А. Колпаковский указывал на необходимость сделать подробнейшую топографическую съемку пути до Кашгара. Для этого Г.А. Колпаковский назначил в состав посольства под видом начальника конвоя штабс-капитана Н.П. Старцева, который имел репутацию хорошего съемщика и мог пригодиться [40, л. 7а-7аоб.]. Н.П. Старцев, кроме того, уже имел опыт путешествия в Кашгар в составе миссии А.В. Каульбарса и участвовал в топографических съемках приграничных территорий [5, стр. 224-225].

Г.А. Колпаковский просил А.Н. Куропаткина быть крайне осторожным при сборе различных сведений, чтобы не возбудить каких-либо подозрений и опасений со стороны Бадаулета или его сановников. Все эти сведения должны были быть добыты «при удобном случае и из-под руки»;

при чем А.Н. Куропаткину следовало иметь в виду, что как ни желательны подробные и точные сведения о Джетишааре, но важнее всего избежать подозрения со стороны Якуб-бека и не дать ему повода к беспокойству. Г.А. Колпаковский подчеркивал, что в глазах Якуб-бека цель посылки миссии должна была быть только одна: передать приветствия и переговорить о разграничении Ферганской области с его владениями [40, л. Л. 7аоб.].

По плану А.Н. Куропаткина, посольство должно было выйти из Ташкента в первой половине мая, к 19 мая прибыть в Коканд. Из состава казачьих сотен кокандского гарнизона посольству предполагалось назначить конвой: 13 казаков с двумя урядниками, трубача и фельдшера. Причем начальник Штаба гвардии капитан А.А. Боголюбов приказывал отобрать в конвой «наиболее смысленных и весьма благонадежных» [40, Л. 7аоб.]. Согласно плану, 9 июня посольство вместе с конвоем должно было прибыть в Ош, откуда уже к концу июня предполагалось достичь Кашгара.

В конце мая в Туркестан из Петербурга вернулся К.П. фон Кауфман. А.Н. Куропаткин, уже находясь в пути, сообщил К.П. фон Кауфману о полученных им инструкциях, предполагаемых маршрутах и запросил, будут ли какие-либо дополнения к целям миссии. А.Н. Куропаткин перечислил также подарки, которые планировалось вручить Якуб-беку: 4 «ручных» коврика, барометр-анероид и кинжал [40, л. 9].

Посольство уже отправилось в путь согласно намеченному плану, и, как и предполагалось, прибыло в Ферганскую область 19 мая. Однако по прибытии 9 июня 1876 г. в Ош посольство вынуждено было остановиться. По указанию майора М.Е. ИONOва, посольству следовало находиться и далее в городе в связи с действовавшими на «большой кашгарской дороге» шайками мятежных киргизов и ожидать дальнейших распоряжений [40, л.12]. Будучи в Оше, А.Н. Куропаткин получил письмо от М.Д. Скобелева, в котором тот рекомендовал дожидаться еще одной партии подарков, направленных Кауфманом, а также рекомендовал вернуться из Оша в Коканд, чтобы увидеться с генерал-губернатором лично и получить из его уст окончательные инструкции. Скобелев также рекомендовал Куропаткину оставаться в городе в связи с продолжавшимся восстанием в горных

частях Ферганской долины: «упаси тебя Бог соваться в горы», – писал он [40, л.15].

Однако возвращаться назад было не в характере А.Н. Куропаткина. Вскоре он получил ответ на свое письмо, адресованное К.П. фон Кауфману еще в мае. В своем письме от 10 июня 1876 г. К.П. фон Кауфман писал, что ему нечего добавить к целям, сформулированным Г.А. Колпаковским. Основным его требованием было соблюдать максимальную осторожность; для успеха миссии лучше было вообще не привезти никаких сведений, чем возбудить подозрения Якуб-бека и его приближенных. Кауфман отдельно подчеркивал важность того, чтобы у Якуб-бека не было оснований заподозрить туркестанскую администрацию в агрессивных намерениях [40, л.15]. Предметом особого интереса туркестанского генерал-губернатора была торговля. А.Н. Куропаткину разрешалось посещать рынки и выяснять торговые потребности и цены на базарах. Что касается маршрутов путешествия, то Кауфман опасался, что из-за длительности путешествия А.Н. Куропаткин мог превратиться в невольного заложника Якуб-бека в случае каких-либо политических осложнений и поэтому рекомендовал ему выбрать более короткий маршрут [40, л.15-16].

К.П. фон Кауфман просил А.Н. Куропаткина не писать ничего важного в своих письмах из Кашгара ни на каких языках, поскольку они могут читаться Якуб-беком и его приближенными [40, л.15-16]. Здесь, вероятно, учитывался опыт предыдущих миссий в Кашгар – например, А.В. Каульбарс в 1872 г. в своих путевых рапортах к К.П. фон Кауфману наиболее значимую часть информации о путях сообщения, укреплениях и войсках Якуб-бека сообщал по-немецки [44, л. 68, 68об., 70об.]. Известно, что письма А.В. Каульбарса читались приближенными Якуб-бека, вызывая у них подозрения. В дополнение к инструкции Кауфман отдельно затрагивал вопрос о назначении русского консула в Кашгар. Если бы об этом зашла речь, то Куропаткину следовало говорить, что Якуб-бек должен обратиться к Кауфману, который, «вероятно, не откажет в назначении консула соседним правителям, с которыми состоит в дружбе» [40, л. 16]. В дополнение к подаркам, которые уже предполагалось вручить Якуб-беку, К.П. фон Кауфман передавал А.Н. Куропаткину серебряный револьвер в шкатулке (револьверы

особенно ценились среди местной знати и являлись эксклюзивным предметом роскоши, подчеркивавшим статус владельца), серебряный кумган (узкогорлый сосуд с носиком, ручкой и крышкой), «сделанный на здешний манер, с серебряным же подносом», бронзовые «столовые или каминные» часы и бронзовые канделябры «о трех свечках каждый» [40, л. 16об.]. 21 июня К.П. фон Кауфман отправил к Якуб-беку письмо с известием об отправке посольства во главе с А.Н. Куропаткиным, предупредил о том, что скопление русских войск в приграничных районах связано с подавлением беспорядков в бывшем Кокандском ханстве и о том, что он лично намерен посетить приграничные районы с Кашгаром [38, л. 5-5об.].

Интересно и то обстоятельство, что в инструкциях А.Н. Куропаткину ничего не говорилось о конкретных географических пунктах, через которые должна была пройти русско-кашгарская граница.

Чтобы облегчить А.Н. Куропаткину выполнение задания и обеспечить его поездку своеобразной «легендой», рассматривалась также и возможность принять Якуб-бека в члены Международного съезда ориенталистов, который планировалось провести в Санкт-Петербурге в августе 1876 г. [49, л. 1-8].

Хотя А.Н. Куропаткин планировал отправиться в дальнейший путь из Оша после 9 июня, это не удалось ему в связи с восстанием на территории Коканда. Вынужденное ожидание привело к достаточно резкой переписке с М.Д. Скобелевым, который удерживал посольство в Оше. А.Н. Куропаткин выражал крайнее неудовольствие простоем посольства и писал, что «прибыли в Фергану к 20 мая, а к 20 июня не можем двинуться с места». Он беспокоился о судьбе посольства и опасался, что длительное нахождение посольства в Оше будет неверно истолковано генерал-губернатором. В связи с этим он просил М.Д. Скобелева официально уведомить К.П. фон Кауфмана о задержке посольства [40, л. 18].

Наконец, 16 июля 1876 г. посольство выехало из г. Ош. Накануне туда прибыл М.Д. Скобелев, готовивший военную экспедицию на Алай. Он поручил А.Н. Куропаткину по пути передать приказ для начальника формировавшейся в укреплении Гульча войсковой колонны Гардера о времени и порядке выступления колонн

Алайского отряда. Чтобы быстрее выполнить это поручение, А.Н. Куропаткин решил оставить штабс-капитанов Н.П. Старцева, А.Н. Сунаргулова, 9 казаков, 7 джигитов и 3 вооруженных денщиков с обозом, а самому вместе с братом, 6 казаками и 5 джигитами двинуться налегке вперед. Первыми ехали 2 дозорных джигита, затем А.Н. Куропаткин с казаками, затем – 3 джигита со сменными лошадьми. В урочище Лянгар А.Н. Куропаткин и его спутники попали в засаду. Только в последний момент дозорные увидели скрывавшуюся за горным гребнем массу всадников. Это была шайка киргизов известного повстанца Ишали-бека. Ружья членов посольства оказались не заряженными, и к тому же джигиты и казаки сбились в кучу, держа лошадей и одновременно заряжая ружья. Положение спасло то, что у Алексея Николаевича и его брата Нила Николаевича Куропаткина были револьверы, благодаря стрельбе из которых практически в упор им удалось остановить первый натиск нападавших. А.Н. Куропаткин был ранен в руку, был ранен еще один казак и убита одна лошадь. Группа начала отходить к обозу посольства, но тут и позади отряда появились вражеские пикеты.

Вслед за посольством шли обозы и инженерные парки Алайского отряда во главе с подполковниками Л.Ф. Костенко*⁴ [20] и А.Р. Бонсдорфом. Объединившись с ними и приняв командование, А.Н. Куропаткин рассеял нападавших и занял Лянгар, который оказался важным пунктом пересечения 5 дорог [40, л. 20-29].

В своем рапорте о стычке А.Н. Куропаткин объяснял, почему не были заряжены ружья – в горах курковые ружья очень неудобны, заряды портятся от сырости и дают осечку. К тому же носимого количества патронов было явно недостаточно, и казаки вынуждены были экономить боеприпасы. В связи с этим А.Н. Куропаткин предлагал как можно скорее заменить в турецких частях старые винтовки на новые «берданки» [40, л. 27]. Подробный отчет о полученной А.Н. Куропаткиным ране и ее осмотре составил врач 14-го линейного батальона Малиев, который на месте прооперировал его, достав примитивную пулю и попавшие в рану обрывки материи мундира [41, л. 3-4].

По приказанию М.Д. Скобелева А.Н. Куро-

паткин и казаки его конвоя еще 5 суток оставались в урочище Лянгар «для охранения сообщения» между Ошем и Гульчей и обеспечивали проход колонны майора Ионова [37, л. 45об.]. В результате миссию пришлось отложить до полного восстановления А.Н. Куропаткина после ранения. Возобновилась она лишь 7 октября 1876 г.

Как только известие о ранении А.Н. Куропаткина дошло до К.П. фон Кауфмана, он начал обсуждать с чиновником по дипломатической части А.К. Вейнбергом кандидатуру нового руководителя миссии, в качестве которого мог рассматриваться А.А. Боголюбов [3, л. 68-71об.; 29, стр. 148]. У туркестанских властей сложилось впечатление, что обстоятельства препятствуют проникновению российской миссии в Кашгар с запада. Тем не менее А.Н. Куропаткину удалось убедить К.П. фон Кауфмана в том, что он сможет продолжить опасную командировку после восстановления. Более подходящего и подготовленного руководителя миссии было сложно найти.

Начавшаяся военно-научная экспедиция М.Д. Скобелева на Алай принесла важные практические результаты. Помимо присоединения Северного Памира и Алая к России, М.Д. Скобелев наносил на карту мельчайшие географические пункты, намечая наиболее удобный путь из Ферганы к Кашгару [35, стр. 139]. Еще одной задачей было точное выяснение границ Кокандского ханства, присоединенного к России. Внимательно ознакомившись с ситуацией, М.Д. Скобелев пришел к выводу о необходимости для России владеть всей пограничной горной полосой между Кашгаром и Ферганой [21, стр. 32-33].

Находясь в Оше на излечении, А.Н. Куропаткин внимательно следил за работой алайской экспедиции, учитывая важность ее результатов для своей дальнейшей миссии. Сообщая М.Д. Скобелеву о своем восстановлении после ранения, А.Н. Куропаткин просил сообщить ему новые сведения о топографии границы с учетом результатов Алайской экспедиции. Он также писал о своей готовности продолжить миссию, надеясь выступить в Кашгар 26-27 августа 1876 г. (Письмо А.Н. Куропаткина М.Д. Скобелеву от 17 августа 1876 г. [40, л. 35]). В ответном письме М.Д. Скобелев предлагал А.Н. Куропаткину не торопиться с отъездом и лучше ознакомиться с результатами алайской экспедиции,

материалы которой и карта отправлены им в Ташкент 13 августа (Письмо М.Д. Скобелева А.Н. Куропаткину от 24 августа 1876 г. [40, л. 36]).

В результате «знакомства с пограничным вопросом», М.Д. Скобелевым был подготовлен рапорт [5, стр. 214], суть которого заключалась, во-первых, в доказательстве необходимости владеть всей горной полосой, отделяющей Ферганскую область от Кашгарии; во-вторых, в необходимости разработки колесного пути на Алай и в Кашгар; в-третьих, в необходимости устранить укрепления Якуб-бека в урочище Улугчат и Ой-таш. При этом, по собранным генералом Скобелевым сведениям, укрепление Улугчат по дороге из Оша в Кашгар лежало у выхода из гор на Кашгарскую равнину. По этой причине М.Д. Скобелев полагал, что русско-кашгарская граница должна была проходить за укреплением Улугчат, оставляя его в «наших руках» [43, л. 2].

Также он считал необходимым ознакомить А.Н. Куропаткина с резолюцией, которую наложил К.П. фон Кауфман на его рапорт. Генерал-губернатору было «не угодно признать решение пограничного вопроса, предложенного генералом Скобелевым, удовлетворительным» [43, л. 2об.]. К.П. фон Кауфман считал, что при обсуждении границы в расчет должны приниматься не только военно-стратегические, но также социально-экономические и политические соображения. К.П. фон Кауфман, несмотря на свою активную политику в регионе, был противником дальнейших территориальных приобретений и практиковал формы косвенного колониального управления, о чем свидетельствовал опыт его отношений с правителями Бухары и Хивы. Присоединение Кокандского ханства к России стало вынужденной мерой в ответ на массовое восстание против русского вассала хана Худояра. «Овладение всей горной полосой» автоматически приводило к военному столкновению с Якуб-беком, которое К.П. фон Кауфман считал ненужным в текущей политической ситуации. Во второй половине августа 1876 г. он вызвал А.Н. Куропаткина в Ташкент и велел ему ознакомиться с положением дел в Кашгарии и путем в эту страну из Ферганской области, «с относительной важностью как в стратегическом отношении, так и торговом различных пунктов на этих путях и уже потом, по соображении всех

полученных путем изучения данных, предоставлялось решить вопрос о появлении в данное время направлений пограничной черты» [43, л. 2об.].

К.П. фон Кауфман понимал, насколько сложная миссия предстоит посольству. Пограничная линия была малоизвестна российским властям, добытые М.Д. Скобелевым сведения о ней и о пути до Кашгара основывались на устных опросах и носили приблизительно-оценочный характер. К тому же и политическая ситуация не давала оснований к военному вмешательству: китайское правительство взяло паузу в борьбе с инсургентами, а Якуб-бек не проявлял открытых агрессивных намерений.

По поручению К.П. фон Кауфмана, А.Н. Куропаткину, помимо уже известных ему рапортов и дипломатической переписки, для разработки «пограничного вопроса» был предоставлен доступ ко всему имевшемуся на тот момент в распоряжении туркестанского генерал-губернатора массиву сведений о Кашгаре. А.Н. Куропаткин активно изучал изданные на тот момент научные произведения о Кашгарии и Джетишааре, выписывая интересующую его информацию. Им было использовано опубликованное в 1861 г. в Казани В.В. Григорьевым сочинение Мирзы Шемса Бухари «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре»^{*5}, откуда была почерпнута информация о борьбе партий «белогорцев» и «черногорцев» в Восточном Туркестане. Из комментариев В.В. Григорьева к нему он делал выписки о географии и населении Каратегина. Использовалось им помещенное в «Записках» Русского географического общества «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии» [32, стр. 195-196], откуда были почерпнуты сведения о боевых действиях в Восточном Туркестане во время антикитайского восстания 1825 г. и кокандского вторжения 1830 г. К наиболее ценным сочинениям по истории Джетишаара А.Н. Куропаткин относил и сочинение одного маньчжурского чиновника Си-Юй Цвень-Дзянь Лу «Описание западного края», переведенное на русский язык Иакинфом Бичуриным [58]. Использовалась и доступная англоязычная литература – в частности мемуары англичанина Уатэна, также писавшего о политической борьбе «белогорцев» и «черногорцев» [60, р. 661]. Основным же источником сведений, касающихся Восточного Туркестана, стал для

А.Н. Куропаткина «Туркестанский сборник», составленный известным петербургским библиографом В.И. Межовым по заказу К.П. фон Кауфмана. Ценность сборника заключалась в том, что В.И. Межов систематично включал в его состав все выходившие в свет статьи, книги и публикации, посвященные Центральной Азии. На начальном этапе присоединения региона к России многотомный «Туркестанский сборник» стал важным подспорьем для российских военных, чиновников и дипломатов, работавших непосредственно на новой окраине империи. Судя по выпискам А.Н. Куропаткина из целого ряда томов [52, Т. 5; Т. 6, С. 52; Т. 11, С. 283; Т. 17, С. 28; Т. 23, С. 71, 349; Т. 26, С. 82, 225; Т. 27, С. 191; Т. 28, С. 253; Т. 29, С. 222], прежде всего его интересовали география, климат и природа Восточного Туркестана (высота над уровнем моря); состояние сопредельных с ним регионов (Джунгария, Памир, Тибет) и непосредственные соседи государства Якуб-бека (таранчи, дунгане, кокандцы); караванные пути и торговля (в частности, торговля с Бухарой и Джунгарией в XVIII в., караванные пути в Индию и Тибет); хозяйственные особенности (плодородие земель и природные ресурсы различных регионов, количество способного выплачивать подати населения); политическая история региона (особенно – народные движения, история государственности) и сообщения о военном потенциале этого региона [39, л. 8-12об.]. На полях своих выписок А.Н. Куропаткин давал оценку тем или иным исследованиям. По его мнению, лучшим исследователем Джетишаара был российский офицер Ч.Ч. Валиханов, давший наиболее полную картину истории, экономики и политической жизни современного ему Восточного Туркестана [39, л. 8об.]. Вернувшийся к своим обязанностям военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский и К.П. фон Кауфман также предоставили в распоряжение А.Н. Куропаткина подробные статистические сведения о торговом обороте между Кашгаром, Кокандом и русскими владениями [42, л. 4-5].

Согласно этим сведениям, объем экспорта товаров из России в Кашгар составлял чуть более 248 тысяч рублей. Более всего ввозили русских ситцев (43%), затем шел мелкий рогатый скот (20,5%), чай (12,5%), железо (5%), сахар (2,5%) и красильный корень (2%). Остальные 14,5% составляли необозначенные товары и те товары,

доставка которых составляла менее 1%. Объем импорта товаров из Кашгара составлял 1 млн. 101 тыс. рублей. Хлопчатобумажная материя составляла 81% от ввозимых товаров, затем шел шелк и полушелковые ткани (всего 6%), халаты (4%), кошмы (2%), квасцы (1%) и прочие товары (6%) [42, л. 12-16]. Как видно, «вывоз» из Кашгара почти в четыре с половиной раза превышал «ввоз», и сложился дисбаланс внешней торговли России с Джетишааром. А.Н. Куропаткин особо отмечал, что в Китае русские купцы выменивают ткани на чай, и торговля в значительной степени носит характер бартера. Преобладание же ввоза ткани из Кашгара снижает спрос в Бухаре, Фергане и Семиречье на русские мануфактурные товары [22, стр. 55-64]. В результате этого за приобретение шелка и хлопка для русской промышленности приходится платить золотом, а не прибегать к обмену готовых изделий на сырье. Более дорогие и качественные русские ткани сталкивались со значительной конкуренцией, купцы вынуждены были снижать цену, чтобы распродать товар. Убытки, которые они в результате этого несли, купцы стремились покрыть за счет продажи в России кашгарских товаров, в частности, шерсти тонкорунных хотанских овец. А.Н. Куропаткин отмечал, что район Хотана может быть также интересен для русской торговли как «единственное средоточие шелкового дела» в Кашгаре [42, л. 11-11об.].

Таким образом, туркестанские власти не зря уделяли пристальное внимание исправлению дисбаланса внешней торговли с государством Якуб-бека и выработке ограничительных мер по распространению кашгарской дабы в пределах России. Отрицательное сальдо внешней торговли приводило к тому, что золотые и серебряные деньги утекали из подвластных России областей, российские товары (прежде всего – ткани) становились менее конкурентоспособными, сбыт промышленной продукции был ограничен. Изучение этой сложной торгово-экономической ситуации было для миссии А.Н. Куропаткина не менее важным, чем вопрос о разграничении. Более того, эти вопросы были взаимосвязаны, поскольку после изучения экономического потенциала Кашгара, уточнения и проведения пограничной линии русская администрация в Туркестане могла начать устройство таможенных пунктов и планировать введение протекционистских торговых пошлин.

В ходе подготовки к своей миссии А.Н. Куропаткин проделал огромную аналитическую работу по всестороннему изучению региона, куда ему предстояло вскоре отправиться, и подтвердил свои навыки выдающегося статистика. Однако, окончательное мнение относительно границы было выработано А.Н. Куропаткиным уже в ходе миссии, после ознакомления с реальной ситуацией на месте.

Перед отправкой посольства в начале октября 1876 г. К.П. фон Кауфман дал А.Н. Куропаткину указание, изучив пограничную линию в ходе путешествия до столицы Якуб-бека, действовать сообразно обстановке. В то же время, в ходе переговоров А.Н. Куропаткину следовало настаивать, чтобы все крупные стратегически важные перевалы – Суёк, Терек-Даван, Тарт, Талдык и Ой-таш – отошли бы к России.

7 октября посольство выступило из Оша в сопровождении усиленного конвоя из 25 казаков и конных стрелков. Вместе с прислугой численность посольства составила более 60 человек.

Вскоре после выступления миссии дипломатическому советнику при Туркестанском губернаторе А.К. Вейнбергу пришло письмо от Якуб-бека, в котором тот сообщал о своей борьбе с китайцами за г. Урумчи. Якуб-бек сообщал о борьбе с непокорными дунганами, жителями Урумчи, которые подло предали его, и намекал, что ему известна помощь, которую Россия оказывает китайским войскам в борьбе с восставшими, направляя для снабжения китайских войск караваны с хлебом под вооруженной охраной [38, л. 10]. Об этом же сообщал Н.М. Пржевальский, находившийся в тот момент на подвластных Якуб-беку территориях в экспедиции. Он писал, что подобные слухи затрудняют для него ведение исследовательской работы [2, л. 204-205; 29, стр. 151-152].

К.П. фон Кауфман сразу же сообщил об этом А.Н. Куропаткину. Во-первых, он сделал вывод о том, что власть Якуб-бека достаточно непрочна и местное население не может считаться для него надежной опорой. Оазисный партикуляризм различных этнических групп Джетишаара постепенно становился очевидным для русской администрации. Понимание этого важного обстоятельства имело значение для успеха предстоящих переговоров. Во-вторых, Кауфман опасался, что информация об отправке русских караванов может негативно повлиять на ход

миссии. «Необходимо объяснить Бадаулету, если случай представится, что помощи и поддержки с нашей стороны не было; но что народ нуждался в хлебе и умирал от голода, тогда Цзо-Цзун-Тан, генерал-губернатор Китайский, просил сибирское начальство разрешить купцам нашим возить к ним в Гучен хлеб и другие товары, мату, ситец и прочие мелочи, в коих нуждался народ и войска. Это было разрешено. Когда первые купеческие караваны вошли из Сибири в страну, занятую китайскими войсками, то эти же китайские войска ограбили купеческий караван. Вследствие этого сибирское начальство нашло нужным для защиты караванов от грабежа выслать с ними 100 казаков, которые провели караваны с хлебом и товаром в Гучен. В этом заключается помощь, которую Великая держава оказала голодающим, как по обязанности христианской державы, так и по старинной дружбе с китайским правительством. Но сотня казаков никакого участия в войне не принимала и по нашим законам не вмешивалась в другие дела» [38, л. 10-11]. Кауфман предписывал Куропаткину разъяснить кашгарскому правителю ситуацию именно в этом ключе, но только в том случае, если бы вопрос об этом был поднят кашгарскими властями.

25 октября посольство А.Н. Куропаткина прибыло в Янгишар. В пути А.Н. Куропаткин сумел лично ознакомиться с топографией пограничной линии и ее особенностями. Рапорт М.Д. Скобелева о пограничной линии был единственным источником сведений о горной линии, на который могло опираться военно-политическое руководство Туркестанского края при проведении разграничения. Наблюдения А.Н. Куропаткина, сделанные им по пути в Кашгар, существенно расширили представление русской военной администрации о пограничной линии, что позволило уточнить добытые М.Д. Скобелевым сведения. В своем обширном письме из Янгишара к К.П. фон Кауфману, А.Н. Куропаткин, базируясь на личных наблюдениях и полученной информации, изложил свои собственные взгляды на формирование русско-кашгарской границы, отличные от приведенных М.Д. Скобелевым [43, л. 1].

Восточные и южные склоны Алайского хребта всю зиму не покрывались снегом и потому были более удобны для выпаса скота зимой, чем западные и северные, которые покрывались часто глубоким снегом. Через Кулдаминское ущелье, находившееся в нескольких верстах

за Терек-Даванским перевалом, и далее вверх по реке Кулдом ущельем Аргалы, а затем по р. Айляма шла выючная дорога на Алай. Каждую осень по этому пути с Алая пригонялись на зимовку многочисленные стада, принадлежавшие оседлому населению г. Ош («ошским сартам») и киргизам богатого рода мунгут и его подразделений, также зимовавших в окрестностях Оша. Летом эти стада отгоняли обратно на Алай. В связи с этим А.Н. Куропаткин полагал, что ограничиваться при проведении границы указанной М.Д. Скобелевым горной линией нельзя, иначе пришлось бы лишить многих киргизов Ошского уезда зимовок для скота [43, л. 3-4].

А.Н. Куропаткин убедился в том, что горная полоса, отделяющая Ферганскую область от Кашгара, кончается «всего в 35 верстах от Кашгара», а не в 160, как считал М.Д. Скобелев. А.Н. Куропаткин отмечал, что при ширине в 320 верст полоса эта только до перевала Терек-Даван, т.е. только на западных склонах, «покрыта лесами и способна в небольших количествах к культуре». За этим перевалом на протяжении более чем 200 верст горы безлесы, маловодны и почти пустынные, а дождь и снег выпадают весьма редко. Кочевое население было так незначительно, что сборов с него не хватало даже на скромное содержание нескольких отдельных постов и слабого гарнизона укрепления Улугчат, который Якуб-бек сделал административным центром горной полосы [43, л. 4-4об.].

А.Н. Куропаткин вступал в заочную полемику с М.Д. Скобелевым, который рассматривал пути решения пограничного вопроса с точки зрения военно-стратегической целесообразности, основываясь, однако, на не до конца подтвержденных данных. «Переходя к рассмотрению необходимости владения для нас горной полосой в военном отношении, по этому важнейшему вопросу приведу следующую выдержку из письма М.Д. Скобелева», – писал А.Н. Куропаткин.

«От пикета Иркештама дорога тянется вдоль р. Кок-су, долина которой все более и более расширяется и около Улугчата выходит на Кашгарскую равнину. Уже раскрытые сведения о Тунбурунской дороге указывали мне, что этот путь должен быть самым удобным для передвижения войск из Ферганской области в Кашгарскую равнину. Ныне же я смею уверить Ваше высокопревосходительство, что

действительность далеко превзошла все мои ожидания и привела меня к положительному убеждению, что раз будет проведена арбяная дорога от Гульчи через перевал Талдын на Алай, к разработке коей будет приступлено в сентябре 1876 г., и которая, по всей вероятности, будет окончена усилиями майора Ионова к 1 июня 1877 г., то путь Гульча – Талдын-Даван – Тун-Бурун – Улугчат – Кашгар будет если не единственным, то главным нашим операционным направлением из Ферганской области к Кашгару. Сведения, что из Иркештама к укреплению Улугчат дорога идет все расширяющейся долиной Кок-Су, и что у Улугчата начинается Кашгарская равнина, были основаны на расспросах и невольно обманули даже такого опытного и проницательного исследователя, каким был генерал Скобелев» [43, л. 5-5об.].

А.Н. Куропаткин писал, что в действительности дорога от поста Иркештам оставляет русло Кызыл-су, а не Кок-Су, вследствие его непроходимости, и идет через плоскогорье Кара-биш и после Игин-и выходит снова в долину Кызыл-Су около кашгарского пограничного поста Ногра, следует далее 11 верст вдоль Кызыл-Су и выходит к Улугчату. У Улугчата еще далеко не начинается Кашгарская равнина. Горы за Улугчатом тянутся по дороге еще 127 верст и кончаются, как было замечено, всего в 35 верстах от Кашгара [43, л. 5об.-6].

А.Н. Куропаткин прикладывал к своему донесению маршрутные описания, из которых видно, что и далее, на участке пути от Улугчата до выхода из гор, дорога была очень трудной, шла узкими горными коридорами, потребовавшими огромных работ при разработке их для проведения колесного пути. Все трудности горного пути заканчивались в районе свинцовых рудников Кургашин-Кони, которые находились в 67 верстах от Улугчата и в 95 верстах от Кашгара [43, л. 6-6об.].

Таким образом, А.Н. Куропаткин убедился, что, вопреки заявлениям М.Д. Скобелева, Улугчат не имел значения стратегического пункта, лежащего у выхода на Кашгарскую равнину. Таким пунктом был Кургашин-кони, путь от которого до Кашгара можно было считать колесным.

М.Д. Скобелев своим рапорте полагал, что обладание Улугчатом важно и с точки зрения контроля караванных путей. Ссылаясь на опыт 1876 г., он писал, что российские власти не в

состоянии выставить «закятные караулы»^{*6} на всех путях, ведущих в Фергану из Кашгара. М.Д. Скобелев полагал, что в Улугчате сходятся дороги одновременно с 5 направлений:

- 1) на Талдын Даван, через Тум Бурунский перевал;
- 2) на Терек Даван, через Караван Куль;
- 3) на перевал Дутарма, через перевал Арык-турун;
- 4) от Егина на перевал Яссы, к Узгенту;
- 5) по большому Алаю, на Дараут Курган к Уч Кургану.

Таким образом, установив единственный таможенный пост в Улугчате, предполагалось контролировать основные товарные потоки [43, л. 6об.-7].

После ночевки в Улугчате и личного знакомства с положением этого населенного пункта, А.Н. Куропаткин сделал заключение, что значение этого пункта как узла дороги тоже несколько меньше, чем предполагалось на основании расспросных сведений генерала Скобелева. У А.Н. Куропаткина не было возможности для тщательной их проверки, в то же время собранные им в Улугчате сведения сильно отличались от собранных Михаилом Дмитриевичем. А.Н. Куропаткин установил, что через Улугчат проходит один главный караванный путь из Оша в Кашгар. Затем по долине Кызыл-Су, вниз, идет проходима только для выючных ишаков и пеших людей тропа в г. Унал и такой же трудный путь долиной Алай-Ку на Як-Багузский перевал далее к Узгенту. Затем на Тунбурунский перевал и далее на Толвенский перевал дорога отделяется не у Улугчата, а у Иркештама. Точно также на Терек-Даванский перевал дорога проходит через Иркештам. Эти пути не были упомянуты у генерала Скобелева. Кроме того, дорога из Улугчата на Алай также проходила через Иркештам.

Согласно собранным А.Н. Куропаткиным расспросным сведениям, для движения крупных караванов служили главным образом перевалы Терек-Даван и Талдын. Через Алайский хребет, начиная от перевала Суёк (Юго-Западный угол Семиреченской области) до Алая в Кашгарию также вело несколько перевалов – Яссы, Гитты, Ак-Богуз, Белули, Терек-Даван, Митре, Тарт, Талдын. Ко всем этим перевалам дороги были очень труднопроходимы и использовались они в основном для движения небольших караванов только для нужд местного населения.

А.Н. Куропаткин полагал, что закрыть все проходы закятными постами почти невозможно, да и бесполезно ввиду их ничтожного значения для торговли. По его расчетам, достаточно будет контролировать только те из них, по которым совершается основной провоз товаров из Ферганы в Кашгар и обратно. В этой связи закятный пост, поставленный в Иркештаме, отвечал бы этой задаче [43, л. 7-7об.].

В своем письме А.Н. Куропаткин рассмотрел и тезис М.Д. Скобелева о необходимости «разработки» колесного пути на Алай и в Кашгар. По его мнению, начинать постройку этой дороги только ради военных целей было бы невыгодно. «Пришлось бы убить огромный капитал и труд без большой надежды получить на него когда-нибудь и какой-нибудь презент. Вложить же капиталы в горные трущобы без надежды пользоваться дорогами этой затраты было бы неестественно в виду неотложности многих производительных расходов, вызванных присоединением к нам Ферганской области» – писал он [43, л. 7об.-8].

Необходимость военного пути была обусловлена, прежде всего, потребностью военных в случае войны буксировать артиллерию в Кашгар. А.Н. Куропаткин считал, что выючный обоз и горные орудия свободно пройдут по уже существующим караванным путям в Кашгарию, как через Терек-Даванский перевал, так и через Талдынский. Полевые орудия могли понадобиться только для похода на Кашгар; для ведения боевых действий на Алае можно было обойтись горными орудиями. Тем более, что легкие горные 4-х фунтовые орудия на узком лафете прекрасно зарекомендовали себя во время похода на Алай. Склоны перевалов были весьма круты и поэтому они чрезвычайно затрудняют подъем артиллерии и военного имущества на перевалы. А.Н. Куропаткин считал, что в связи с этими обстоятельствами не стоило спешить с проведением колесной дороги [43, л. 8об.].

Строительство «колесного пути» (дороги) из Ферганы в Кашгар в торговых интересах, по мнению А.Н. Куропаткина, также не являлось неотложной потребностью. Благодаря знакомству со статистическими материалами по русско-кашгарской торговле накануне отправки миссии, он убедился, что главный торговый путь в Кашгар идет из Нарына на Туругартский перевал и далее через укрепление Чакмак к Кашгару.

Этот путь для русской торговли признавался им более значимым, чем через Фергану, в доказательство этого утверждения им приводились данные ошского уездного начальника об объемах двусторонней торговли. А.Н. Куропаткин высказывал мысль о том, что больший спрос в Кашгарию на русские товары явится не после постройки колесного пути туда, а после «замирения» ее и связанного с ее мирным развитием роста благосостояния жителей. На его взгляд, в будущем колесный путь из Ферганы в Кашгар сможет принести пользу, только если дороги будут разработаны в самом Кашгаре и только если там наступит мир [43, л. 8об.-9].

А.Н. Куропаткин, анализируя собранные сведения, полагал, что «овладение разбираемой горной полосой» было бы для России крайне невыгодным. В экономическом отношении русская администрация была бы вынуждена образовывать новый уезд, доходы которого были бы минимальными и не покрывали бы даже расходов на содержание уездной администрации. Кроме того, присоединение горной полосы к России несло бы и политические издержки. «Нам пришлось бы изменить политику по отношению к соседям, которой Ваше превосходительство @К.П. фон Кауфман – А.В.@ держитесь неуклонно уже 10 лет. Мы ни разу не делали шага вперед, не будучи к этому вынуждены, а Якуб-бек за последние годы не давал нам повода быть им недовольными» – писал А.Н. Куропаткин, указывая также на то, что во время подавления восстания в Коканде Якуб-бек оставался нейтральным и не пускал беженцев в Кашгар. Хотя Якуб-бек и установил границу «по своему произволу», но в то же время своими действиями он доказал, что может контролировать ситуацию в приграничных районах. А.Н. Куропаткин приходил к выводу, что без войны Якуб-бек не уступит горную полосу, укреплением которой он занимался последние годы [43, л. 2].

Таким образом, первое и самое объемное и содержательное письмо*⁷ А.Н. Куропаткина с территории Джетишаара было полностью посвящено анализу предполагавшейся к обсуждению пограничной полосы. А.Н. Куропаткин подчеркивал, что не получал от русской военной администрации точных указаний, по каким именно пунктам должна пройти граница [43, л. 1]. Понимая все нюансы политики туркестанского

генерал-губернатора, он в то же время соблюдал объективность и пытался рационально объяснить необходимость справедливого проведения пограничной линии. Он был сторонником того, чтобы при рассмотрении «пограничного вопроса» русская администрация руководствовалась бы, во-первых, социально-экономическими соображениями, принимая во внимание традиционный уклад жизни местного населения, и во-вторых – политическими, продолжая проводимую К.П. фон Кауфманом политику косвенного управления краем и отказа от ненужных военных авантур. Вместе с тем, к моменту путешествия у российских военных и востоковедов не было понимания политической ситуации в Кашгаре, а положение Якуб-бека считалось достаточно прочным.

По прибытии в Кашгар члены миссии А.Н. Куропаткина поначалу столкнулись с недоверием со стороны сына Якуб-бека, Бек Кулы-бека, замещавшего в Кашгаре своего отца. В связи с этим А.Н. Куропаткин запросил даже специальное письмо от К.П. фон Кауфмана, которое подтверждало бы его полномочия на ведение переговоров о границе [38, л. 21]. Бек Кулы-беку он пригрозил, что тут же отправится обратно без каких-либо переговоров с Якуб-беком. Через несколько дней от Якуб-бека пришло разрешение на проезд миссии далее до г. Токсун, где в тот момент находился он сам.

Знакомство с реальным положением дел в Кашгаре во время путешествия в ставку Якуб-бека позволило А.Н. Куропаткину при переговорах с ним вести более агрессивную линию. Понимание начинающегося военно-политического кризиса государства Якуб-бека позволило А.Н. Куропаткину настаивать на передаче под власть русской администрации Улугчата [38, л. 12-16], хотя первоначальными инструкциями это не предусматривалось, да и сам А.Н. Куропаткин доказывал невыгодность данного приобретения.

Ход переговоров с Якуб-беком достаточно детально был освещен самим А.Н. Куропаткиным в своей книге [22, стр. 6-14]. Письма из Кашгара, хранящиеся в личном фонде А.Н. Куропаткина, освещают эти переговоры достаточно коротко [38, л. 10-30]. Вероятно, это связано, во-первых, с указанием К.П. фон Кауфмана не сообщать ничего важного в письмах, чтобы не навредить целям миссии. Во-вторых, Якуб-бек во

время первой встречи с А.Н. Куропаткиным просил его ничего не писать туркестанскому генерал-губернатору, пока переговоры не закончатся каким-либо определенным решением [38, л. 29об.]. Якуб-бек понимал всю сложность той международной военно-политической ситуации, которая складывалась вокруг его государства зимой 1877 г. Вероятно, он в свою очередь опасался непредсказуемого результата переговоров и неблагоприятной для него реакции в том случае, если бы он решил отказать А.Н. Куропаткину.

Почти одновременно с миссией А.Н. Куропаткина в Кашгар в северо-западных районах Китая работала миссия другого известного русского военного востоковеда Н.М. Пржевальского. Переписка А.Н. Куропаткина с Г.А. Колпаковским позволяет предположить, что маршрут его миссии уже в Кашгаре и обратный путь в пределы России строился с учетом экспедиционных планов Н.М. Пржевальского [38, л. 28]. Обе миссии должны были исследовать как можно более обширную территорию. Имела место также определенная координация усилий, чтобы одни и те же районы, города и пути сообщения не становились объектом изучения обеих миссий. А.Н. Куропаткин сумел воспользоваться ослаблением власти Якуб-бека и прямо заявил тому, что он сам и члены его миссии будут всесторонне изучать Джетишаар, собирая максимум информации о нем. Получив разрешение Якуб-бека, А.Н. Куропаткин направил натуралиста Вилькинса и своего брата Н.Н. Куропаткина для описания и изучения озера Баграч-куль и города Карашар. Кроме того, А.Н. Сунаргулов под предлогом доставки срочного донесения К.П. фон Кауфману изучил и сделал топографическую съемку еще одного ранее неизвестного русским пути в бывшие владения кокандского хана из города Аксу на Каракол [22, стр. 12-14].

Главным научным итогом миссии А.Н. Куропаткина стал сбор большого количества сведений о торгово-экономическом, географическом, военном положении Джетишаара. А.Н. Куропаткиным «для Ташкентского музея» был собран значительный массив мануфактурных изделий, лекарственных трав из Кашгара и статистических сведений об объемах торговли с ним [42, л. 1-3].

А.Н. Куропаткин блестяще справился и с одной из основных задач посольства

– выяснением топографической характеристики приграничной горной полосы. Основным политическим достижением посольства было согласие Якуб-бека на проведение границы на российских условиях. Якуб-бек просил лишь оставить в его руках те пограничные пункты, которые он создал за 13 лет своего правления, но подчеркивал, что он согласится с любым решением К.П. фон Кауфмана, даже если оно будет вопреки его желаниям.

Не менее важным итогом миссии был сбор информации о промышленности, торгово-экономической ситуации и экспортно-импортном потенциале Кашгара. А.Н. Куропаткину удалось собрать большой массив статистических данных о торговле и промышленности Синьцзяна во время посещения базаров Джетишаара. Сравнив эти данные с доставленными ранее статистическими сведениями русских уездных начальников, А.Н. Куропаткин дал ряд рекомендаций для исправления имевшегося торгового дисбаланса: 1) постоянное обеспечение и защита русских торговцев в Кашгаре; 2) установление таможенной линии по границе и борьба с контрабандой; 3) обложение высокой заградительной пошлиной английских товаров и индийского чая; 4) обложение высокой заградительной пошлиной кашгарских хлопчатобумажных изделий; 5) поощрение производства хлопчатобумажной ткани в Фергане для замены кашгарской дабы; 6) проложить торговый путь между Ферганской и Семиреченской областями, чтобы перестроить логистические цепочки поставок товаров; 7) постройка ситцевых фабрик близ Ташкента и Коканда, чтобы приблизить центры производства к рынкам сбыта [22, стр. 65]. По прошествии более чем 100 лет провидческими кажутся слова А.Н. Куропаткина: «Не забудем, что столь неблагоприятный результат для нас произошел при управлении Кашгарией Якуб-беком, сильно стеснившим торговлю, и что с завоеванием Кашгарии китайцами и с водворением в ней спокойствия результат наших торговых сношений с этой обширной страной может сделаться еще менее благоприятным, если мы заблаговременно не начнем борьбу против промышленного преобладания Кашгарии над нашими среднеазиатскими владениями» [22, стр. 64].

В ходе посольства А.Н. Куропаткин принял первые практические шаги к реализации своих рекомендаций. Он неоднократно выступал в

защиту русскоподданных купцов, как русских (например, встреченного им в Кашгаре г-на Шкокова, приказчика торгового дома Быковских), так и сартских (преимущественно из Оша и Ташкента) [22, стр. 50-52].

Вскоре после возвращения А.Н. Куропаткина в российские пределы, в апреле в Ташкент прибыл посланник Якуб-бека Мулла Турабходжа, чтобы окончательно решить вопрос о прохождении пограничной линии. Чиновник по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе А.К. Вейнберг сообщал управляющему МИД Н.К. Гирсу, что К.П. фон Кауфман окончательно решил, где будет проходить пограничная линия – от перевала Суёк до перевала Дунгарма, по левому берегу реки Дунграма до ее впадения в реку Кок-су и далее по северной стороне караванной дороги в Кашгар. Оттуда через перевалы Ике-Икезяк до поста Иркештам, который переходил к России, до горы Малтабар [2, л. 248-259; 29, стр. 155-156]. Несомненно, на это решение повлияло письмо А.Н. Куропаткина с детальным анализом географического и социально-экономического состояния пограничной полосы. Об учете мнения А.Н. Куропаткина свидетельствует и письмо К.П. фон Кауфмана Якуб-беку об утверждении данной пограничной линии, в котором также оговаривалась необходимость учесть хозяйственные нужды местного населения. В то же время К.П. фон Кауфману, благодаря дипломатическим талантам А.Н. Куропаткина, представился хороший случай уступить невыгодный для русской администрации Улугчат, продемонстрировать таким образом благородное снисхождение и объявить Якуб-беку о том, что Улугчат оставался в его владениях [53, л. 17-19; 29, стр. 160-163]. Письмо К.П. фон Кауфмана было датировано 31 мая 1877 г.; в тот момент в Ташкенте еще не знали, что 17 мая (по другим данным, 27 мая) Якуб-бек скончался от сердечного приступа. Его смерть, а также начавшаяся борьба за власть отложили предполагавшееся разграничение. Хотя его сын Бек Кулы-бек подтвердил обязательства отца в письме К.П. фон Кауфману [29, стр. 163-166], наступление китайских войск и неопределенность будущего Джетишаара заставили русскую военную администрацию повременить с окончательным проведением пограничной черты.

После возвращения китайской администрации и разгрома государства Джетишаар

отношения Китая с Россией складывались чрезвычайно напряженно из-за временной оккупации русскими войсками Кульджи и Илийского края и дебатов о форме и времени возвращения их Китаю, а также споров о пограничной линии. В основе проектируемого туркестанской администрацией варианта границы лежали ранее достигнутые договоренности с Якуб-беком. В чрезвычайно напряженной обстановке весной 1878 г. русский отряд по указанию К.П. фон Кауфмана, не дожидаясь официальных переговоров с китайским правительством, занял пост Иркештам, значение которого подчеркивал ранее А.Н. Куропаткин, и построил там небольшое укрепление. Китайские власти выразили протест и заявили, что Иркештам всегда принадлежал к Кашгару [28, стр. 167]. Слухи о появлении русских войск в пределах бывшего государства Якуб-бека вызвали воодушевление местного населения, которое видело в русской власти спасение от дискриминационной политики китайских властей. 4 марта 1879 г. в Санкт-Петербурге состоялось особое совещание по кульджинскому вопросу, в котором приняли участие военный министр Д.А. Милютин, начальник Главного штаба Ф.Л. Гейден, товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс, генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, барон А.Г. Жомини, начальник военно-ученого комитета Н.Н. Обручев, посланник в Пекине Г.К. Бюцов, вице-директор Азиатского департамента МИД Мельников, начальник Азиатского отдела Главного штаба А.Н. Куропаткин и полковник Генерального штаба А.В. Каульбарс. В ходе совещания его участники решили придерживаться в отношении Китая миролюбивой политики. Вместе с тем, новую границу в Илийском крае предполагалось провести так, чтобы обеспечить безопасность российской территории. В руках русских властей должны были остаться долины рек Текес, Борохудзир и Черный Иртыш, а также перевал Музарт. Участники совещания полагали, что в обмен Китаю можно будет уступить территорию, которую Якуб-бек захватил у Кокандского ханства [28, стр. 173-176]. Подобные взгляды основывались на принципе разграничения территории по естественным рубежам, и именно А.Н. Куропаткин своим детальным изучением приграничной полосы во время посольства в Кашгар внес значительный вклад в формирование данных взглядов. В ходе дискуссии особое

мнение высказал К.П. фон Кауфман, предложивший за возвращение Кульджи взыскать с китайского правительства огромную сумму в 60 млн золотых рублей, которую предполагал потратить на строительство Среднеазиатской железной дороги. Такая «контрибуция» должна была, во-первых, «поддержать наше обаяние в Азии»; во-вторых, нивелировать количественное превосходство китайских вооруженных сил в Центральной Азии в случае войны с Россией [28, стр. 177-178]. Однако, только А.Н. Куропаткин поддержал эту идею [7, стр. 76].

Подписанный 20 октября 1879 г. Ливадийский договор [59, р. 763-786] между Россией и Китаем не был принят китайскими властями, и военное противостояние становилось все более вероятным. Активная подготовка Китая к войне с Россией в 1879-1881 г. заставила российские военные власти включить в военные планы противостояния китайской угрозе идею организации мусульманского восстания в Кашгаре и восстановления дунганской и кашгарской государственности в Синьцзяне. В частности, в переписке с Д.А. Милютиным К.П. фон Кауфман предлагал во главе «Кашгарского ханства» поставить Бек Кулы-бека, «который имеет за собой шансы как законный преемник Якуб-бека и человек, преданный нашим интересам» [48, л. 134-135]. Однако, в результате взаимных дипломатических усилий Россия и Китай сели за стол переговоров, и данный проект не состоялся [28, стр. 196-207]. А.Н. Куропаткин, описывая вкратце ход дипломатических переговоров, с сожалением писал о том, что Санкт-Петербургский договор 1881 г. стал чрезвычайно невыгодным для России, привел к падению ее престижа в Азии и придал Китаю веру в свою силу и слабость России [23, стр. 89]. После разгрома государства Джетишаар Бек Кулы-бек бежал в пределы России, не был выдан китайскому правительству и поселился в родном городе своего отца – г. Пскент. А.Н. Куропаткин, будучи весьма близок к туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману, был знаком с планами организации мусульманского антикитайского восстания в Кашгаре и восстановления там полунезависимого, политически связанного с Россией государственного образования. Как писал сам А.Н. Куропаткин, «Кауфман ясно осознавал невыгодность для России соседства в Туркестане с Китаем и был сторонником присоединения Кульджи к России и поддержания

власти Якуб-бека в Кашгарии... Кауфману представлялось более выгодным иметь в соседстве с Туркестаном слабое мусульманское государство-буфер подобно Афганистану, чем сомкнуться с Китаем, обладающим неисчислимыми материальными ресурсами» [23, стр. 87].

17 февраля 1892 г. Бек Кулы-бек обратился к тогдашнему губернатору Туркестанского края барону А.Б. Вревскому с просьбой «исходатайствовать ему пожизненную пенсию» [46; 47]. По его словам, покойный генерал-адъютант фон Кауфман предлагал ему «исходатайствовать пожизненную пенсию, подобно тому, как было назначено Абдурахман-хану, проживавшему в Самарканде в царствование Шир-Али хана в Афганистане», но он отказался тогда от пенсии, так как ему удалось вывезти из Кашгара достаточную сумму денег. Кроме того, он рассчитывал получить принадлежащий ему значительный капитал, доверенный им в бытность его ханом одному кашгарскому торговцу, увезшему эти деньги в Индию. Почти пятнадцатилетнее проживание его с многочисленными родственниками и соратниками истощили все наличные его средства, а упомянутый торговец, которому доверена была крупная денежная сумма, пропал бесследно, хотя для поисков его Бек Кулы-бек ездил в Турцию и Ост-Индию [46, л. 1]*⁸. А.Б. Вревский, в свою очередь, обратился с просьбой о ходатайстве к военному министру П.С. Ванновскому с просьбой о предоставлении денег Бек Кулы. П.С. Ванновский попросил А.Н. Куропаткина, бывшего тогда уже губернатором Закаспийской области, дать характеристику Бек Кулы-беку [46, л. 2].

А.Н. Куропаткин ходатайствовал за Бек Кулы-бека и подчеркивал, что во время пребывания его в Кашгаре он пользовался вниманием и гостеприимством как Якуб-бека, так и сына его Бек Кулы-бека. «Блестящие результаты миссии нашего посольства доказывают, что со стороны этих двух лиц была выказана полная готовность беспрекословно исполнить все требования Туркестанского генерал-губернатора, и если бы перевес остался на стороне Кашгарских войск в борьбе с Китаем, то в лице нового владельца Кашгарии Бек Кули-бека Россия имела бы, по всей вероятности, искреннего своего приверженца», – отмечал Куропаткин [46, л. 2-2об.].

В ходатайстве о назначении пенсии А.Б. Вревский, ссылаясь на мнение А.Н. Куропаткина,

также отмечал, что содержание Бек Кули-бека в пределах России может оказаться выгодным в случае столкновения с Китаем, «когда вокруг Бек Кули-бека, как вокруг знамени, возможно будет собрать горячие головы, которые охотно, по нашему желанию, двинутся в Кашгар» [46, л. 3-3об.]. В результате многочисленных споров в Военном министерстве и Министерстве финансов, было принято решение назначить Бек Кулы-беку пенсию в размере 2 500 рублей [46, л. 8-13].

Ходатайство Бек Кулы-бека появилось на фоне продолжавшихся русско-китайских споров о проведении границы между китайскими владениями и Ферганской областью. По всей видимости, ходатайство А.Н. Куропаткина было обусловлено военно-политическими соображениями. Однако, к середине 1890-х гг. русские власти приняли окончательное решение принять в качестве основного физико-географический принцип проведения границы и отказаться от бывшего наследия кокандских ханов и частично – от территорий, которые должны были отойти к России по договоренностям с Якуб-беком*⁹.

В 1898 г. на имя А.Б. Вревского снова пришло ходатайство от Бек Кулы-бека. Он просил увеличить пособие с 2 500 до 30 000 рублей [47, л. 1]. Военные власти Туркестана снова обратились за советом к А.Н. Куропаткину. Но генерал Куропаткин, который шестью годами ранее ходатайствовал за Бек Кулы-бека, в данном случае, будучи уже военным министром, крайне жестко отозвался о кашгарском принце. На докладной записке по Азиатской части Главного Штаба на имя военного министра Куропаткина о возможности пожаловать Бек Кулы-беку пенсию в размере 30 тыс. руб. стоит размашистая реляция А.Н. Куропаткина: «Не вижу к такому ходатайству достаточных оснований. Никогда Бек Кули-бек самостоятельно страной не владел. Никаких услуг нашему правительству не оказывал. В бытность мою в Кашгаре в 1876 г. Бек Кули-бек отнесся к нашему посольству довольно подозрительно. Прошу Азиатскую часть самостоятельно выяснить, когда именно Бек Кули-бек владел целой страной, а равно и какие именно услуги оказаны им русскому правительству» [47, л. 11-12]. В итоге Бек Кулы-беку было отказано. Российская политика в Кашгаре окончательно приняла другое направление.

Посольство А.Н. Куропаткина стало одним

из ключевых событий российской внешней политики в Кашгаре в середине 1870-х гг. Долгое время государство Якуб-бека считалось одним из потенциальных противников России в Центральной Азии. Формированию данного мнения способствовала малая изученность Кашгара в период существования там государства Якуб-бека. Несмотря на скептическое отношение ряда исследователей к силе государства Якуб-бека (см., например, оценки Н.И. Веселовского или А.И. Макшеева, которые считали силу и славу Якуб-бека преувеличенными [16, стр. 87-90; 24, стр. 152-156], ему удалось создать достаточно эффективное для Центральной Азии государство с традиционным аппаратом управления и достаточно многочисленной, и сильной по меркам региона армией. Созданное Якуб-беком государство стало важным субъектом международных отношений, ведя дипломатическую игру с Россией, Великобританией и Османской империей, покровительство которой Якуб-бек формально принял [15]. Несмотря на острый политический кризис и смуту, Джетишаар почти на год пережил своего создателя. А.Н. Куропаткин стал одним из тех европейцев, кто лично видел Якуб-бека и его приближенных, беседовал с ними и участвовал в их дальнейшей судьбе. А.Н. Куропаткину удалось выполнить данное ему ответственное поручение – уделить внимание проверке фактов и на их основе дать весьма полное и подробное описание Джетишаара с учетом большого массива обработанных им при подготовке своей работы сведений. Достоверность большей части

приведенных фактов стала неоспоримым достоинством его труда, а сам А.Н. Куропаткин еще раз подтвердил прекрасные исследовательские навыки военного администратора-статистика. За книгу «Кашгария» А.Н. Куропаткин был удостоен золотой медали ИРГО [17, стр. 22]. Важность «Кашгарии» была настолько велика для европейской науки и политики, что сама книга вскоре после ее выхода была переведена на английский язык [56]. Успешное выполнение разведывательно-дипломатической миссии в Кашгаре стало важным этапом в жизни и дальнейшей карьере А.Н. Куропаткина, а его детальное знакомство с Кашгаром надолго закрепило за ним репутацию одного из знатоков «кашгарских дел». Результаты его посольства оказали существенное влияние на образ действий и стратегию туркестанских властей в русско-китайском пограничном вопросе. Собранные им детальные сведения о прошлом Кашгара, его населении, экономике, промышленности и географии до сих пор остаются для нас важным источником по непростой и многогранной истории Кашгара во второй половине XIX в.

Анализ вклада А.Н. Куропаткина в российскую политику последней трети XIX века по отношению к Джетишаару является одним из проявлений активизации современных научных исследований его государственной службы, творческой деятельности и повседневной жизни. В крайние годы наблюдается заметная активность научных исследований, связанных с личностью генерала А.Н. Куропаткина [6; 7; 8; 9; 10; 18; 19; 25; 27; 31; 33; 34; 36; 51].

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
ЦГА РУз. – Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ВОА – Basbakanlik Osmanli Arsivi (Османский архив при Премьер-министре Турецкой Республики)
Y.EE – Yildiz Esas Evraki (Основное делопроизводство дворца “Йылдыз”)

Примечания

- *¹ М.Д. Скобелев должен был следовать в Кашгар через Нарын. Рекомендательное письмо от Кауфмана Якуб-беку о приезде М.Д. Скобелева с просьбой оказать ему содействие от 30 июля 1875 г. см. [38, л. 1-1об].
- *² А.Н. Куропаткин подчеркнул комментарий К.П. фон Кауфмана к фразе Рейнталя о необходимости

«немедленно наказать» Якуб-бека: «За что же?» [39, л. 4].

- *3 «Дженаб» можно перевести как «Ваше высокопревосходительство». Данный титул применим к военачальникам высокого ранга, однако к правителю отдельного ханства он не применим.
- *4 Л.Ф. Костенко был еще одним офицером русской императорской армии, вслед за А.Н. Куропаткиным посетившим Алжир и описавшим систему французского протектората в Тунисе. Его описания французской Северной Африки сопровождалась прекрасными иллюстрациями известного баталиста, художника А.Н. Каразина. Его книга вышла практически одновременно с «Алжирией» А.Н. Куропаткина [20].
- *5 В частности, для некоторых сочинений были указаны страницы с использованной информацией.
- *6 «Закят» – традиционный шариатский налоговый сбор размером в 2,5 % от стоимости товара. Закятный пост в данном случае тождественен таможенному посту.
- *7 Всего в РГВИА автором статьи было обнаружено четыре письма А.Н. Куропаткина К.П. фон Кауфману из Джетишаара: от 1 ноября 1876 г. из Янгишара; от 8 ноября 1876 г. из Кашгара (Л. 16 об.-19); от 19 ноября 1876 г. (Л. 20-25 об.) из Кашгара; от 17 декабря 1876 г. из Аксу [38, л. 16-27]. Материалы данных писем впоследствии послужили основой для подготовки труда «Кашгария», и их содержание (за исключением первого письма, содержащего взгляды на «пограничный вопрос») практически полностью совпадает с отдельными фрагментами книги.
- *8 В Османском архиве Премьер-министра Турции сохранился и рапорт Бек Кулы-бека султану Абдулхамиду II о политической ситуации в Кашгаре [55]. Помня о тесных политических контактах Якуб-бека с Османской империей, Бек Кулы-бек также хотел заручиться финансовой помощью турок. Интересно, что тексты прошений о финансовой помощи, адресованные Вревскому и Абдулхамиду, во многом совпадают [15, стр. 251-259].
- *9 Китайские власти установили свои пограничные знаки на перевалах Терек-Даван и Тунбурун, которые еще К.П. фон Кауфман намеревал оставить за Россией [28, стр. 224-226].

Список литературы

1. АВПРИ. – Ф. СПб. – Главный архив. – 1-9. – Оп. 8. 1865-1878 гг. – Д. 14.
2. АВПРИ. – Ф. СПб. – Главный архив. – 1-9. – Оп. 8. 1873-1878 гг. – Д. 21.
3. АВПРИ. – Ф. СПб. – Главный архив. – 1-9. – Оп. 8. 1875-1878 гг. – Д. 13.
4. Басханов М.К. Политика Англии и России в отношении государства Якуб-бека в Восточном Туркестане (60 – 70-е гг. XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. – М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1991.
5. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. – М.: Вост. лит., 2005. – 295 с.
6. Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 143-154.
7. Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903 – 1905.: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2015. – 354 с.
8. Белозерова О.А. Командующий Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин (по дневниковым записям начала русско-японской войны 1904-1905 гг.) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 47-56.
9. Белозерова О.А. Позиция и взгляды военного министра А.Н. Куропаткина в связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904-1905) // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 23-34.
10. Белоконь И.В. «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 155-164.
11. Валиханов Ч.Ч. [О восстании в Кашгаре в 1825 – 1826 гг.] // Чокан Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. – Алма-Ата, 1985. – С. 344-348.
12. Валиханов Ч.Ч. [Черновой материал о восстании в Кашгаре в 1825 г.] // Чокан Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. – Алма-Ата, 1985. – С. 319-322.
13. Валиханов Ч.Ч. [Черновой материал о торговле России с Западным Китаем и Средней Азией в первой четверти XIX в.] // Чокан Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. – Алма-Ата, 1985. – С. 253-255.
14. Валиханов Ч.Ч. Сведения о войне кокандцев с Китаем в Кашгаре в 1830 г. // Чокан Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. – Алма-Ата, 1985. – С. 349-354.
15. Васильев А.Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи в середине XVI – начале XX вв. – М.: Институт востоковедения РАН; Пробел-2000,

2014. – 356 с.
16. Веселовский Н.И. Бадаулет Якуб-бек, Аталык Кашгарский // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. X, вып. I-IV. – СПб., 1897-1898. – С. 87-90.
  17. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; О.А. Белозерова, И.В. Белоконов, О.А. Гоков, Н.В. Григорьева, С.В. Моисеев, Н.Ю. Николаев, Ю.Г. Попов, Р.Ю. Почекаев, В.П. Сальников. – СПб.: Фонд «Университет», 2018. – 370 с. – (Серия: «Патриоты Отечества»).
  18. Гоков О.А. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и политика Российской империи в данном регионе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 33-44.
  19. Григорьева Н.В. Скрещение судеб: Куропаткин и другие... // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 49-54.
  20. Костенко Л.Ф. Путешествие в Северную Африку. – СПб. : тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876. – VI, 240, VI с., 23 л. ил., карт.
  21. Костин Б.А. Скобелев. – М. : Патриот, – 1990. – 176 с.
  22. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. – СПб.: типография В.С. Балашева, 1879. – 443 с.
  23. Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. – СПб.: тип. т-ва А.С. Суворина – «Новое время», 1913. – 224 с., 1 л.к.
  24. Макшеев А.И. Заметки к биографии Якуб-бека // Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. – СПб.: типография В.С. Балашева, 1879. – 443 с.
  25. Михайлов А.А. Деятельность А.Н. Куропаткина на посту военного министра (1898-1904) по развитию системы военно-учебных заведений // Мир политики и социологии. – 2017. – № 2. – С. 51-58.
  26. Моисеев С.В. Взаимоотношения России и Уйгурского государства Йэйтишар (1864-1877 гг.). – Барнаул, Азбука, 2006. – 198 с.
  27. Моисеев С.В. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэйтишаре в 1876-1877 гг. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 85-105.
  28. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2003. – 346 с.
  29. Моисеев С.В. Русско-кашгарские отношения в 60х-70х гг. XIX в. Документы и извлечения. – Барнаул: Азбука. 2008. – 235 с.
  30. Настич В.Н. Если на клетке слона написано «бегемот»... где чеканились монеты Коканда с «посмертным» именем Малла-хана? // Эпиграфика Востока. -. 2011. – Вып. 29. – С. 174-186.
  31. Николаев Н.Ю. А.Н. Куропаткин и Гагская мирная конференция 1899 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 117-130.
  32. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Русского географического общества. - 1849. – Кн. 3.
  33. Попов Ю.Г. Опыт историко-краеведческого изучения некоторых сторон жизни и деятельности генерала А.Н. Куропаткина в его имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 47-82.
  34. Попов Ю.Г. Шешуринский шатер Алексея Николаевича Куропаткина. – СПб.: КультИнформПресс, 2017. – 178 с.
  35. Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.): Монография в документах / Общ. ред. и предисловие акад. В.С. Мясников. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 416 с.
  36. Почекаев Р.Ю. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 51-62.
  37. РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 195.
  38. РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 206.
  39. РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 211.
  40. РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 213.
  41. РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 216.
  42. РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 220.
  43. РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 222.
  44. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 305.
  45. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 313.
  46. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 1556.
  47. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 2168.
  48. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Д. 117.

49. РГИА. – Ф. 853. – Оп. 2. Д. – 96-б.
50. Рейнталь П. Из путевых заметок о Нарыне и Кашгаре // Военный сборник. – 1870. – № 7. – С. 143-186; № 8. – С. 355-390.
51. Сальников В.П., Белозерова О.А. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 43-46.
52. Туркестанский Сборник / Сост. В.И. Межов. – СПб., 1878.
53. ЦГА РУ. Ф. 1. Оп. 34. Д. 213.
54. Boulger D.C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878.
55. BOA. Y.EE., 14/382. (Y?ld?z Esas Evrak? , K?s?m. 14, Evrak no. 382.
56. Kashgaria, Eastern or Chinese Turkistan: Historical and Geographical Sketch of the Country, Its Military Strength, Industries, and Trade. By Aleksei Nikolaevich Kuropatkin. Translated by Walter Edward Gowan. Published by Thacker, Spink and Co., 1882.
57. Newby L.J. The Empire and the Khanate: a Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760 – 1860. – Leiden, – Boston: Brill, 2005.
58. URL: http://history-fiction.ru/books/all_6/section_1_6/sort_8_1_6/region_76_1/book_496/
59. Voskresenskij Aleksej D. Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. Vol. 35. № 4. Octobre-décembre 1994.
60. Wathen's Memoir on Chinese Tartary and Khoten. Journal of the Asiatic society of Bengal, 1835, vol. IV,

